

Внезапно перед глазами возникла бело-розовая камелия. Гу Хуайцин удивлённо поднял взгляд и встретился с улыбающимися глазами Дуань Минчэня.

— Это мне? — спросил Гу Хуайцин, дотрагиваясь до цветка. Нежные лепестки были влажны от прозрачных капель росы.

Дуань Минчэнь прикрепил камелию к головному убору на виске Гу Хуайцина. Тот нахмурился и потянулся, чтобы снять её, но Дуань Минчэнь остановил его руку.

— Не двигайся. Так ты прекрасен.

— Я не женщина, чтобы цветы носить, — пробурчал Гу Хуайцин, раздражённый.

— А кто сказал, что не женщинам нельзя носить цветы? — Дуань Минчэнь смотрел на него с нескрываемым восхищением. — Этот цветок тебе к лицу.

Он провёл пальцами по виску Гу Хуайцина, лёгко коснулся цветка и прошептал:

— Благоуханье из сладких снов возвращается,

Цветы на главе красавицы распускаются.

Услышав, что его называли «красавицей», даже такой беспечный человек, как Гу Хуайцин, понял намёк. Его прекрасное лицо потемнело. Он терпеть не мог, когда кто-то заводил речь о его внешности. Будь перед ним не Дуань Минчэнь, он бы уже давно вышел из себя.

Гу Хуайцин и сам не понимал, почему столь снисходителен к Дуань Минчэню. Выдержав паузу, он снял камелию и швырнул её обратно.

— Мне не нравятся такие шутки, — сказал он сдержанно. — В другой раз не делай так.

Дуань Минчэнь поймал цветок, задумчиво поглаживая нежные лепестки. Помолчав, он произнёс:

— Хуайцин, выслушай меня. Я ни в коем случае не хотел тебя унижить. Ты должен понимать: любовь не ограничивается мужчиной и женщиной. Между мужчинами тоже возможны привязанность и любовь.

Гу Хуайцин удивлённо поднял глаза и, встретив взгляд Дуань Минчэня, почувствовал, как дрогнуло его сердце.

Лунный свет окутывал лицо Дуань Минчэня мягким сиянием, сглаживая резкие черты. Его тёмные, глубокие глаза были прикованы к Гу Хуайцину, и во взгляде том читалась невысказанная, не скрываемая более нежность и страсть.

Гу Хуайцин всегда считал Дуань Минчэня старшим братом, близким другом-единомышленником. Мысль о том, что тот может питать к нему чувства, выходящие за рамки братской привязанности, никогда не приходила ему в голову. Он растерялся.

Дуань Минчэнь положил руку на плечо Гу Хуайцина и медленно, неотвратно склонился к нему.

Гу Хуайцин замер, глядя на приближающееся лицо. В памяти всплыла сцена, свидетелем которой он стал совсем недавно: наследник Сяо и Ван Цзыюй, слившиеся в поцелуе. Сердце

его забилося в неправильном ритме, ладони стали влажными.

Та сила чувств, что излучал Дуань Минчэнь, пугала Гу Хуайцина. Дуань Минчэнь всегда был сдержан, даже холодноват. Но сейчас в его глазах читалась хищная, захватническая страсть. Рука, сжимавшая плечо Гу Хуайцина, была так сильна, что причиняла боль. Даже дыхание его казалось обжигающе горячим.

Гу Хуайцин инстинктивно почувствовал опасность и захотел бежать.

Он резко, изо всех сил толкнул Дуань Минчэня. Тот, не ожидая такого, едва не слетел с крыши павильона. Хорошо, что успел ухватиться ногой за резной край кровли и удержался.

Гу Хуайцин даже не взглянул на него. Подобно испуганной птице, он спрыгнул вниз и стремглав помчался прочь, к каменным горам Сада Снежного Аромата...

«Всё равно не получается?» — с горькой досадой подумал Дуань Минчэнь, на мгновение закрыв глаза. Но сдаваться он не собирался. Не теряя ни секунды, он бросился в погоню.

Гу Хуайцин, используя искусство лёгкого шага, как перепуганный зверёк, нырнул в лабиринт каменных гор Сада Снежного Аромата.

Каменные горы сада были выстроены по образцу Львиного леса Сучжоу и занимали добрых пол-акра. Утёсы причудливых форм, сотни гротов и пещер — сложнейшее переплетение, самый настоящий лабиринт.

По счастливой случайности, высоко плывшая до этого луна скрылась за набежавшей тучей. Ночь сгустилась, вокруг сгустился мрак. Гу Хуайцин, мечась в панике, совсем потерял направление и, покружив среди каменных громад, окончательно заблудился.

Он вытер пот со лба, заставив себя успокоиться, и принялся вглядываться в темноту, пытаясь найти выход. И тут до его слуха донеслись приглушённые стоны, а затем — два тихих, похожих на кошачье мяуканье всхлипа.

В такой час, среди камней — кто бы это мог быть?

Удивлённый, Гу Хуайцин двинулся на звук. Пройдя с десятков шагов, он увидел две массивные, похожие на веер глыбы. Промежуток между ними скрывали кусты по пояс.

Звуки доносились явственно из-за камней. Гу Хуайцин, крадучись, приблизился, в темноте раздвинул ветви кустарника и заглянул внутрь...

В тот же миг налетевший ветерок разорвал облачную пелену. Яркий, чистый лунный свет хлынул вниз, озарив каждую деталь. Укрыться было негде.

Два тела, сплетённые в жарком единении, лежали на каменном столе. Один из мужчин возлежал на спине на гладкой, отполированной плите тёмного камня. Его нефритового цвета халат⁴ был сброшен до пояса, обнажив торс. Две белые, как снег, ноги обвивали талию другого мужчины. Тот, что сверху, тоже был полураздет, и лунный свет выхватывал его бледную, рельефную спину.

Гу Хуайцин сразу узнал верхнего — это был наследник князя Ань Сяо Цзюэ, встреченный ранее. А тот, что внизу... К своему изумлению, Гу Хуайцин узнал Янь Цзюня, соседа Фан Цзя по комнате!

Ранее Сяо Цзюэ, прощаясь с Ван Цзыюем, говорил, что договорился с Янь Цзюнем изучить новые ноты. Кто бы мог подумать, что «изучение» будет таким! Музыка циня, что они слышали в Павильоне в сердце вод, наверняка была игрой Янь Цзюня. Но, судя по всему, их встреча не ограничилась музицированием.

Рядом с каменным столом на земле валялся дорогой семиструнный цинь. Но сейчас влюблённым, поглощённым друг другом, было не до инструмента.

Гу Хуайцин мысленно покачал головой. Наследник Сяо и впрямь был мастером: уверяя одного в своей верности, тут же предавался утехам с другим. Только что он клялся Ван Цзыюю, что между ним и Янь Цзюнем ничего нет, а теперь уже всю предавался страсти с ним прямо под открытым небом. Судя по слаженности и профессионализму^[^5] движений, происходило это далеко не впервые.

А Янь Цзюнь! Днём — холодный, недоступный, подобный цветку на заснеженной вершине, которого нельзя осквернить прикосновением. Кто бы мог подумать, что в объятиях страсти он предстанет таким? Его прекрасное лицо пылало румянцем, фениксовые глаза^[^6] были полуприкрыты, тело, гибкое и податливое, извивалось в объятиях Сяо Цзюэ. Из полуоткрытых губ вырывались тихие, похожие на всхлипы звуки — то ли мольба, то ли призыв.

Сяо Цзюэ, осыпая его нежными поцелуями, не прекращал движений. Воспитанный в роскоши наследник обладал крепким, прекрасно сложенным телом. Хрустальные капли пота скатывались по его белой спине, сверкая в лунном свете, словно резьба по нефриту. Прибавьте к этому прекрасное, выразительное лицо и знатное происхождение — с такими данными грех не пользоваться успехом. Неудивительно, что любовники у него менялись как перчатки.

Двое пылали, как сухие хворостинки в огне, движимые единым порывом, полностью поглощённые друг другом. Они и не подозревали, что за ними наблюдают.

Гу Хуайцин, притаившись за кустами, смотрел, замороженный и остолбеневший. Сердце его колотилось, как барабан. И Сяо Цзюэ, и Янь Цзюнь были необычайно красивыми мужчинами. Картина их страстного соития была яростной и откровенной. Наблюдать такое «действие» воочию — кровь стыла в жилах, а потом бурно устремлялась обратно.

Гу Хуайцин был молодым, полным сил мужчиной. Разум твердил, что нужно немедленно уйти, но тело отказывалось повиноваться. Всё существо его пылало, во рту пересохло, под кожей бегали мурашки, будто тысячи муравьёв щекотали его изнутри. Ноги стали ватными, он едва мог сдвинуться с места.

Щёки его пылали. Он с силой стиснул зубы, пытаясь сделать шаг назад, но наткнулся на что-то твёрдое и тёплое. В следующее мгновение чья-то рука обвила его талию сзади.

Гу Хуайцин вздрогнул и чуть не вскрикнул. Но чья-то большая, горячая ладонь вовремя легла ему на рот, плотно закрывая его.

— Не бойся, это я, — низкий, хриловатый и на удивление чувственный голос Дуань Минчэня прозвучал у самого уха.

Тело Гу Хуайцина, не ведавшее ещё страсти, после увиденного находилось на пределе чувствительности. Даже малейшее прикосновение могло свести его с ума. Гу Хуайцин замер, скованный, но жар в теле лишь нарастал. Дыхание его участилось, алые губы слегка дрожали, а прекрасное лицо залил густой румянец.

Дуань Минчэнь, почувствовав эту странную реакцию, мгновенно всё понял. Похоже, Гу Хуайцин не питает отвращения к подобным ласкам между мужчинами. Иначе не наблюдал бы так пристально и не проявлял бы таких... признаков возбуждения.

В сердце Дуань Минчэня вспыхнула радость. Ранее, сделав свой намёк-признание, он встретил лишь испуг и бегство. Он намеревался дождаться, пока Гу Хуайцин примет его чувства, и лишь тогда перейти к более близкому общению.

Но, возможно, виной была эта прекрасная лунная ночь. А может, Гу Хуайцин в этот миг выглядел слишком соблазнительно. Так или иначе, Дуань Минчэнь потерял обычную сдержанность и хладнокровие. Нетерпение охватило его, жажда обладать — телом и душой, вкусить его сладость здесь и сейчас.

Дуань Минчэнь взял Гу Хуайцина за подбородок, заставив его запрокинуть голову, и приник к его чуть приоткрытым, пухлым, алым губам в глубоком, властном поцелуе...

В тот миг, когда их губы соприкоснулись, сознание Гу Хуайцина погрузилось в пустоту. Не успев ничего осмыслить, он был захвачен в расставленные Дуань Минчэнем сети страсти.

<http://bllate.org/book/16283/1467057>